

ОБЗОРЫ

Наиль Фархатдинов и Никита Харламов

Создавая Мыслящие Миры

17-18 ноября 2006 года в Москве, в Политехническом музее прошла конференция по философии, политике и эстетической теории «Создавая Мыслящие Миры». В качестве докладчиков в ней приняли участие Бернар Стиглер, Валерий Подорога, Жак Рансьер, Шанталь Муфф, Молли Нейсбит, Борис Кагарлицкий и Михаил Рыклин. Нейсбит, кроме того, зачитала доклад, подготовленный Саскией Сассен, которая, к сожалению, не смогла присутствовать на конференции. Модераторами дискуссии выступили Свен-Олов Валленстейн и Анна Костикова. Конференция была организована Федеральным агентством по культуре и кинематографии, Российским институтом культурологии, художественным фондом «Московская биеннале», издательской программой «Интерроса». Она приурочена ко второй Московской биеннале современного искусства, которая пройдет весной будущего года. Организаторы поставили перед собой задачу создать вокруг биеннале «дискурс», некоторый интеллектуальный контекст из обсуждений и дискуссий. В феврале 2007 года ожидается второй этап конференции. Среди приглашенных Джорджо Агамбен, Хэл Фостер и Джудит Батлер.

Предлагаем вниманию читателей обсуждение конференции, представленное в виде диалога. Собеседники «по горячим следам» пытаются осмыслить (с точки зрения социологов, не в последнюю очередь) происшедшее: определить место подобного рода конференций в российском интеллектуальном пространстве и поделиться впечатлениями о самом этом пространстве.

Наиль Фархатдинов. Итак, если это была биеннале, то почему понадобилась философская конференция (первая биеннале прошла без подобного мероприятия)? А если это конференция – событие, так сказать, для российского интеллектуального сообщества и с его участием, то почему в формате биеннале?

Никита Харламов. «Конферналле» какое-то получается... И как его рассматривать?

Н.Ф. Можно предположить, что таким образом организаторы хотели поддержать биеннале со стороны «теории».

Н.Х. А зачем таким мероприятиям «теория»?

Н.Ф. Современное искусство дано нам онтологически, и как таковое оно сопряжено с другими сферами знания – философией, социологией, психологией, психоанализом и т.д. То, что произошло с искусством, можно трактовать по Беньямину: изменилось само искусство, значит, должно измениться и его восприятие, но восприятие всегда запаздывает. Оно догоняет изменившееся искусство разными способами, в частности, при помощи философии.

Н.Х. Почему выгоднее всего прибегать к помощи именно философии?

Н.Ф. Потому что вопрос «Что такое искусство?» ставится изначально в философии, и в этом отношении она удобнее, чем, например, социология. Благодаря обращению к философии восприятие может догнать изменившееся искусство. Когда необходимо объяснить, что «мусор» – инсталляции, непонятные объекты, видео – является искусством, происходит обращение к философии. Но привлекать философию к разговору об искусстве – не то же самое, что говорить о философии. Говорить о философии можно, не имея специального образования и специальных знаний. Если же говорить о чем-то *при помощи* философии (когда философия привлекается как инструмент), то оказывается, что нужно разбираться в философских проблемах.

Прошлую биеннале критиковали за то, что подобного обращения не было, поэтому организаторы решили предупредить возможную критику и обратились к философскому

теоретизированию. Парадокс заключается в том, что конференция проводилась для тех, кто либо делает современное искусство, либо его легитимирует. Но в области философии художники оказываются вне игры – просто в силу того, что не все знают философию.

Н.Х. Здесь мне видится еще одна проблема, которая не была понята Иосифом Бакштейном (одним из кураторов биеннале). Он утверждает существование примата искусства перед философией. Так, он заявил, что не искусствоведы пишут о РыкLINE, а РыкLINE пишет об искусстве.

Н.Ф. Почему так называемый «примат» отдается тому, о ком пишут, а не тому, кто пишет, наблюдает и исследует объект? Приматы тоже никогда не напишут о РыкLINE, а вот он о них очень даже может написать!

Н.Х. Многие художники (и кураторы) – если судить по тем аннотациям и текстам, которые они сами же пишут к своим произведениям и выставкам, – как минимум знакомы с Марксом, Фрейдом, Деррида, Фуко... Я предполагаю, что очень многие художники всерьез увлекаются философией. Поэтому сам художник в большей или меньшей степени встроен в философский дискурс. Другое дело – насколько он в него включен: на какой базе, на каких знаниях и образовании, и что он с этим дискурсом делает. Я думаю, есть художники, которые могли бы быть блестящими философами, и есть художники, которые читают Деррида как развлечение в метро. Но вряд ли сами они считают, что «дискурса не хватает», им-то он как раз не нужен, у них свой дискурс...

Н.Ф. Философию попытались использовать как средство, между тем она таковым не является. Объясню почему. Доклады, прочитанные в первый день, были не об искусстве, а о предмете исследования философов. Философия всячески противилась, когда из нее пытались сделать средство легитимации. Во второй день попытки продолжились, она сопротивлялась в силу того, что доклады были предметные.

В итоговой дискуссии вопросы из зала заставили философов говорить об искусстве. И произошла трансформация философской конференции в конференцию об искусстве с привлечением философов. При этом об искусстве не было ни одного доклада, сделанного художником, и ни один художник, присутствовавший в зале, не задал вопроса.

Н.Х. Задавали вопросы журналисты, философы...

Н.Ф. Философы, которые проповедуют «левые идеи». Мне, правда, не совсем ясно, откуда в этом пространстве вообще взялись левые идеи.

Н.Х. Как раз ясно, откуда они взялись! У нас до сих пор сохраняется максимализм, мы обязательно впадаем в крайности. Либо мы насквозь левые и утрировано демонстрируем себя леваками, как, например, Кагарлицкий или, скажем, Лимонов, либо, наоборот отказываемся от левых идей и всячески вычищаем их из своего дискурса.

В западной интеллектуальной традиции такого нет. Все широкое левое течение не было ни радикально маргинальным, ни радикально мейнстримовым. В 1968 году оно активизировалось, потом притухло, потом опять активизировалось... Те же левацкие идеи Бодрийера им и не утрируются и не выхолащиваются.

Вот на конференции и возникло противоречие. С одной стороны, западные философы, которые так или иначе опираются на левую мысль, никогда не ставили себе целью сознательно ее игнорировать. С другой стороны, наши философы, наоборот, хотят, чтобы их считали левыми. Это дает повод иронизировать в ЖЖ: «Подорога думал, что он единственный правый философ в России, а он оказался единственным правым философом в мире»...

Н.Ф. Конференции была организована вполне в духе современного искусства, к которому привлекаются люди, не являющиеся художниками. К участию в философском дискурсе были привлечены люди, не являющиеся философами. Видимо, предполагалось, что это «оживит» и «заострит» дискуссию. Однако «интерактива» не получилось. Что-то наподобие дискуссии состоялось, но ее итог был предсказуем. Не было «чистых» философов за исключением нескольких представителей того круга, который сложился вокруг современного искусства в начале или середине 90-х, не было академических философов,

которые, возможно, занимаются другой проблематикой, не было социологов... Скорее всего, люди не пришли либо потому, что до них не дошла информация о программе конференции, поскольку, например, в Интернете она была помещена на сайтах, имеющих отношение к искусству, а не к философии, либо они просто проигнорировали это мероприятие из-за предубежденности к прозападной, постмодернистской философии в духе Подороги и Рыклина, которая профессионально им неинтересна.

Поэтому сложно было что-то обсуждать. Даже сам формат «перекрывал» взаимодействие: не соблюдался регламент, сокращалось время на вопросы. «Интерактив» постоянно «сворачивался» и «задвигался»: не было тем, интересных для общего обсуждения, да и физической возможности обсуждать что-либо. Все это, скорее, походило на гастроль с аплодисментами.

Н.Х. Или на потребление философии.

Н.Ф. Я бы не сказал «потребление». У аудитории не наблюдалось потребности.

Н.Х. Эту потребность создали.

Н.Ф. Уже вполне наблюдаемым усилием.

Н.Х. Получается прямо по Кагарлицкому. Существует некоторая возможность, и ее используют для того, чтобы сконструировать потребность...

Н.Ф. Не совсем понятно, откуда берется эта возможность.

Н.Х. Деньги есть!

Н.Ф.: А откуда деньги?

Н.Х. Волшебная сила искусства! (В том числе добывать деньги на такие мероприятия). Современное искусство существует ведь и в экономической ипостаси. Ясно, что оно нуждается в некотором дискурсе вокруг себя, хотя бы арт-критическом. Само потребление такого искусства, например, поход на выставку – это уже своего рода дискурс. А потом в дело включается экономическая структура, существующая вокруг искусства – галеристы, промоутеры, кураторы, получающие деньги за раскрутку и продажу этого искусства. Чтобы достичь своей цели, им необходимо поддерживать систему в рабочем состоянии. И когда говорят: «У вас не хватает философского дискурса, в который сами художники так или иначе включены», принимается решение его создать. Выделяются деньги, по сравнению с ценой некоторых произведений даже не очень большие, а затем сам факт проведения «дискурса» работает на экономическую систему. На самом деле, не важно, кто в нем участвует. По какому критерию выбирал приглашенных на конференцию? Кстати, вначале – в апреле – была намечена одна комбинация – Славой Жижек и Бенджамин Бухло. Но как тогда не было понятно, что объединяет этих людей, как потом не было понятно, что объединяет людей, которые действительно приехали, так и сейчас непонятно, что объединяет тех, кто заявлен на февральскую конференцию.

Н.Ф. Может быть, любовь к искусству? Кто из философов не любит искусство?

Н.Х. Мне оно напоминает демонстрацию «экзотических животных» в клетках. Большинство докладчиков довольно экзотичны. Многие ли у нас знают их работы? Тот же Стиглер, я слышал это имя, но не знаю, переведены ли его труды на русский язык. То же можно сказать и обо всех остальных зарубежных участниках конференции. Чтобы наладить коммуникацию, задать какой-то вопрос, нужно понимать, о чем они рассуждают. А это очень проблематично не только потому, что тяжело воспринимать на слух английский, на котором читается доклад, но и потому, что сначала надо поставить обсуждаемые проблемы в какой-то контекст.

Н.Ф. Здесь, наверное, важно, как происходит коммуникация. Носит ли она персональный характер, когда конкретный человек разрабатывает определенную тему и все вопросы адресуются к нему, или есть проблема, которую конвенционально признают наличествующей, и люди собираются обсуждать ее с разных позиций. Конференция показала, что проблем как таковых нет. И только в завершающей сессии была предпринята попытка объединить все доклады в единую логическую схему.

Н.Х. Нельзя ли поподробнее о «проблемном» и «персональном» подходах?

Н.Ф. Когда есть доклад, можно обсуждать этот доклад. Когда есть проблема, точнее, когда приоритетной является проблема, обсуждается не доклад, а проблема. Но здесь сложилась странная ситуация. Конечно, формат был задан как докладный, не как круглый стол. Круглый стол предполагает проблемный подход, докладный формат предполагает обсуждение докладов. Но поскольку присутствующие и не были знакомы с докладами, их сложно обсуждать. В результате во главу угла ставится биография Стиглера, которую раздали за 5 минут до начала конференции...

Н.Х. Получается, что произошло несоответствие формата цели?

Н.Ф. Именно! Сессии ведь были названы конкретно, четко. «Образование понятий»...

Н.Х. Конкретней некуда. Я названия этих текстов плохо понимаю. Мне кажется, они были придуманы в последний момент, когда определился список тех, кто готов сделать доклад. Названия были во многом предназначены... нет, не предназначены, а «постназначены», скажем так, об этом свидетельствует то, что это событие позиционировалось и анонсировалось в СМИ по персональному признаку...

Н.Ф. Все начиналось действительно как персональное мероприятие: все видели имена, но не видели проблемы. Потом заслушали доклады и поняли, что проблема не раскрыта. В итоге получили откровенно занудную, скучную заключительную часть.

Н.Х. Хочу обратить внимание на прочитанный Нейсбит доклад Сассен, который по сути является резюме ее книжки, вышедшей в 2006 году. Сассен сделала очень простую вещь: представила доклад, фактически отражающий то, что она делала на протяжении последних пяти-шести лет. Она занимается проблемами контргеографий, поведением наименее привилегированных групп, протестными движениями, пространственной реализацией некоторых глобальных сущностей в городской среде.

Если бы Сассен присутствовала на конференции, я бы спросил ее о том, как она оценивает роль современного искусства в качестве политического компонента протестных движений, иными словами, как она увязывает современное искусство в самом широком смысле слова с контргеографиями глобализации. Я читал, что в 2001 году она пыталась выявить эту связь, но у нее, как мне кажется, это получилось не очень удачно.

На мой взгляд, Сассен занялась этим сейчас потому, что тема глобальных городов исчерпывается. Во-первых, есть книга «Global Cities», она стала классикой социологии и политэкономии, она в дискурсе, имеет свою критику. Во-вторых, появился корпус исследователей, которые изучают эту тему, выдвигают и проверяют различные гипотезы и т.д. Сама Сассен – уже классик этого направления и не очень понятно, какие открытия здесь можно в ближайшее время сделать. Можно ждать 10 лет, наблюдать за тем, что происходит с глобальными городами, и писать третье издание книжки. Но пока стоит заняться чем-то другим, что она и делает.

Возвращаясь к дискуссии о конференции, подчеркну: коммуникация возможна тогда, когда есть знание контекста, работ, понимание того, как они родились и что происходит в этой области. Конференция предполагает, что будет дискуссия. Но дискуссии ведут люди, которые заинтересованы в философии, а если она позиционирует себя как проблемная, то обсуждать необходимо проблемы, затронутые в докладах. Не читая работ, мы не можем знать контекста. Это первое противоречие. Второе противоречие состоит в том, что не было рабочих исследователей.

Н.Х. Кстати, о том, какая литература у нас выходит. Мне кажется, по мнению издателей, издавать можно и нужно только то, что уже утвердилось как современная классика. Деррида, Делеза и Фуко издавать выгодно, потому что многие о них слышали и будут их читать. При этом у нас есть запаздывание относительно Запада, которое продолжает воспроизводиться. А что касается современных отечественных философов, мне кажется, что проблема их отсутствия многолика. Не думаю, что только мы сомневались, удастся ли попасть на эту конференцию.

Н.Ф. Да, конференцию совершенно неоправданно пытались организовать как закрытое мероприятие элитного толка.

Н.Х. Кроме того, с точки зрения профессионального сообщества, в известной мере сработало самореализующееся пророчество: не трудно было предположить, что если таких совершенно разных людей, как, например, Кагарлицкий и Подорога, «поместить» в одну конференцию, то единого дискурса не будет. Будут выступления по проблемам, которые каждый участник уже давным-давно разрабатывает, и в случае необходимости все это можно прочитать, а осуществить какую-то коммуникацию в таких условиях невозможно.

Мне кажется, дискурс мог бы состояться, например, если бы приехал один Стиглер. Он выступает 40 минут. После чего час – вопросы. Соответственно, аудитория думает только о Стиглере, ей проще справиться с потоком информации и как-то его структурировать.

Н.Ф. Непонятно, зачем нужен второй этап. В нем была бы необходимость, если бы был сформулирован какой-то вопрос. Но этого сделано не было. На конференции собрались люди со своими темами, сферами деятельности. Молли Нейсбит – философски ориентированный историк искусства, Сассен – социолог, Стиглер – философ, Кагарлицкий – социолог и теоретически фундированный левый публицист.

Н.Х. Получается, что особой необходимости во втором этапе нет, все дело в том, что Агамбен и Сассен не приехали, а мы их хотели бы пригласить. В результате вряд ли удастся избежать того непонимания и тех сомнений, которые возникли по поводу первого этапа.

Н.Ф. Еще нужно отметить спокойное течение конференции. На ней ни разу не были затронуты темы, которые были бы настолько пересекающимися, чтобы возникла дискуссия на уровне «реплика-реплика». Обсуждение докладов сводилось к фразе: «как вы относитесь к...»

Н.Х. Поскольку проблем не было, и непонятно было, как их ставить, вопросы формулировались в самой общей форме. И поэтому реплики по определению были просто несопоставимы. Это как если бы я спросил у пяти людей, какая это чашка, и один сказал, что она белая, другой – что на ней нарисована эмблема, третий – что в ней кофе, а четвертый – что она стоит на столе.

Н.Ф. Но парадокс, как в известной истории о трех слепых, ошупывавших слона, заключается в том, что мы не получаем цельного представления об этой чашке.

Н.Х. Они смотрели на один и тот же объект с совершенно разных точек зрения и в принципе не могли прийти к общей плоскости дискурса. Они даже не противоречили друг другу. Дискуссия была просто невозможна.

Н.Ф. А в итоге была публично заявлена формальная задача о легитимации современного искусства в стране. У Бакштейна есть старая идея – проводить ликбезы по современному искусству, вот и здесь он пытался делать именно это.

Н.Х. Но делать это при помощи философии – непозволительная в нашем положении роскошь: философские идеи, которые пошли в ход (а именно эти идеи сегодня в той же моде, что и обсуждавшееся искусство), едва известны нашей просвещенной публике.

Странность всей ситуации с легитимацией нашего современного искусства усугублялась еще и тем обстоятельством, что приглашенные зарубежные философы, похоже, впервые с этим искусством столкнулись.

Н.Ф. Получается, что с одной стороны, прошла в высшей степени представительная конференция, но именно в силу ее представительности, она не состоялась!

Н.Х.: Совершенно согласен. Когда за маленьким столом на одной сцене сидят Несбит, Рыклин, Кагарлицкий, Муфф, Рансьер, Стиглер и все они пытаются в течение двадцати минут сформировать единый дискурс, получается настоящий шок.

Н.Ф. Вообще, идея о том, что философа необходимо видеть живым – это скорее попытка приобщиться к знанию...

Н.Х. Это ритуал, ритуальное действие. Я думаю, это явления одного порядка с потреблением места: необходимо поехать к пирамиде Хеопса, чтобы насладиться действительной пирамидой Хеопса, а не фотографией в журнале National Geographic. В каком-то смысле это попытка вновь создать сакральное, своего рода ауру по Бенъямину, для знания. В таком случае, докладчики на конференции выступают как жрецы философского

знания, пифии. Как не было коммуникации между человеком и пифией, так и здесь ее нет. Коммуникация получилась односторонней. По сути, это сакрализация биеннале.

Н.Ф. Возможно, еще одна проблема состоит в том, что темы сессий, видимо, задавались из-за рубежа.

Н.Х. Я думаю, что темы эти возникли буквально в последний момент, когда определились докладчики. Их нужно было разделить на сессии, которые были маркированы чисто формально.

Н.Ф. В Интернете сначала появились названия сессий, а потом доклады. Возможно, была договоренность о том, что надо сделать такие сообщения. Много, возможно, было вынужденно. И, по-видимому, все эти темы были сформулированы вне зависимости от российского контекста. Не известен механизм, почему конференция, приуроченная к российской биеннале, в сторону России обращалась на уровне...

Н.Х. Приглашения Подороги, Рыклина и Кагарлицкого.

Н.Ф. На мой взгляд, для налаживания коммуникации этого мало. Сделали странную вещь: вырезали сеть коммуникаций из Европейского философского пространства и перенесли в Политехнический музей – как экспонат, да только по дороге она развалилась на нескольких отдельных докладчиков.

Н.Х. Честно говоря, мне не ясно, по каким признакам отбирались докладчики, даже те, кто был назван первыми, Бенджамин Бухло, Гаятри Чакраворти Спивак, Петер Слотердайк, Славой Жижек. Я не очень уверен, что они составляют единую коммуникативную сеть, что между ними и между их работами есть устойчивые взаимосвязи и параллели. И если, например, Кагарлицкий и Подорога представляют разные течения, принадлежат к разным институциям и объединяются только тем, что живут в России и работают в Москве, то Стиглер и Рансьер объединяются тем, что оба живут во Франции.

Каждый наш философ сделал то же самое, что сделали приглашенные господа: изложили то, чем сейчас занимаются. Подорога изложил свои мысли о литературе, Рыклин – свои тезисы относительно разгрома выставки «Осторожно религия!», Кагарлицкий – левацкую публицистику. Я думаю, лучшее объяснение произошедшему состоит в том, что изначальное позиционирование проблемы было бессодержательным: нам нужна «форма дискурса» и мы хотим найти *способ* «создать дискурс». Поскольку у нас есть деньги, и мы можем на них создать этот дискурс, давайте пригласим докладчиков из-за рубежа. Принцип приглашения понятен: докладчики должны говорить по-английски и их имена должны быть на слуху в европейской интеллектуальной элите. Это своего рода эффект Матфея по Мертону: статус Сассен, Стиглера, Подороги уже позволяет не опасаться, что это нечто непопулярное и неизвестное. Они известны.

Н.Ф. Возможно, сыграл свою роль и модератор.

Н.Х. Валленштейн? Я не знаю, кто это и какова его роль в данном случае, но очень может быть... Может быть, сложилась такая ситуация, что все эти люди просто актуализированы в сознании у одного арт-критика.

Н.Ф. Согласен, весьма вероятно. Похоже, мы исчерпали свои суждения об этом событии ...

Н.Х. Если не обсуждать конкретные доклады, то больше добавить нечего, а обсуждать их, учитывая вышеизложенное бесполезно и невозможно.

Н.Ф. По поводу докладов, мне кажется, можно сказать следующее. Во-первых, люди говорили о разном. Во-вторых, они «говорили о непонятном», поскольку это «разное» разлилось настолько, что в целом создавалось впечатление какофонии или «праздничного концерта» – после ансамбля песни и пляски выступает иллюзионист. В-третьих, многое осталось непонятным и потому, что «публика» (по крайней мере студенческая) не подготовлена к восприятию таких «номеров» – она у нас «слабонервная» и «чувствительная», все больше «смыслов» ищет, меньше – «форм».